

НАЛОЖЕНИЕ ПРОСОДИЧЕСКИХ СОСТАВЛЯЮЩИХ В СТАРОСУЛЕТИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ БАСКСКОГО ЯЗЫКА *

© 2017

Наталья Михайловна Заика

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, 199053, Российская Федерация; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация; zaika.nat@gmail.com, n.zaika@spbu.ru

На материале старосулётинского диалекта баскского языка в статье анализируется типологически нетривиальное явление — наложение составляющих просодической иерархии, при котором одна из них принадлежит одновременно двум составляющим более высокого уровня (ср. [*emazté* [*bát*]_i]_i) (женщина один-ДАТ) ‘одной женщине’). Таким свойством обладает показатель неопределенности *bat*, по происхождению восходящий к числительному со значением ‘один’. Рассматриваются типологические параллели данного явления на других языковых уровнях, как связанных с просодикой, так и нет. Исследуемое нами явление представляет собой контрпример для традиционной просодической иерархии, однако хорошо поддается анализу в теории «слабой расстановки скобок» Б. Хайда.

Ключевые слова: баскский язык, просодическая иерархия, просодическое слово, фонологическое слово

OVERLAP OF PROSODIC CONSTITUENTS IN OLD SOULETIN BASQUE

Natalia M. Zaika

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, 199053, Russian Federation; Saint Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; zaika.nat@gmail.com, n.zaika@spbu.ru

The article deals with a typologically unusual phenomenon, the overlap of Prosodic Hierarchy constituents, where one prosodic constituent belongs to two constituents of a higher level (cf. [*emazté* [*bát*]_i]_i) (woman one-DAT) ‘to a woman’) in the Old Souletin dialect of Basque. The property in question is typical of the indefinite marker *bat*, historically derived from the numeral *bat* ‘one’. The author draws some typological parallels not only from prosody, but also from other levels of linguistic structure. The phenomenon under consideration can be regarded as a counterexample to the well-known Prosodic Hierarchy, but can be accounted for in terms of Brett Hyde’s theory of Weak Bracketing.

Keywords: Basque, phonological word, prosodic hierarchy, prosodic word

* Автор выражает благодарность Ю. К. Кузьменко и Н. В. Кузнецовой за обсуждение материала исследования, А. В. Андронову и А. В. Кухто за указание на релевантную литературу и двум анонимным рецензентам за конструктивные замечания и советы. За все недостатки статьи несет ответственность исключительно сам автор.

1. Введение

В диалектах баскского языка¹, несмотря на достаточно небольшую территорию распространения, составляющую около 20 000 квадратных километров и количество носителей менее миллиона², представлены самые разные типы акцентуации: фиксированное ударение на первом, втором, предпоследнем слоге, свободное ударение и др. (ср. одно из первых описаний, резюмирующих акцентологические особенности баскских диалектов [Michelena 1972], а также более поздние описания [Hualde 1997; 1999]). В отличие от ряда других диалектов, как для современного сулетинского, так и для старосуетинского, характерно фонологическое ударение с кульминативной и дистинктивной функцией (каждое просодическое слово характеризуется ровно одним ударением, имеются минимальные пары, которые отличаются лишь местом ударения, ср. *gizun-ek* (человек-ERG.INDF) ‘человек’ vs. *gizun-ék* (человек-ERG.PL) ‘люди’). Ударение в современном сулетинском диалекте подробно описано в ряде работ, см. [Gaminde 1995; Hualde 1997; 1999], тогда как старосуетинское ударение исследовалось менее детально, причем иногда данные старосуетинского неправомерно объединялись с данными современного сулетинского [Peillen 1998]³. Методологически это представляется некорректным в связи с уже упомянутой акцентологической вариативностью внутри баскского языка, обусловленной географически (современные баскские говоры, в значительной степени унаследовавшие состояние предшествующих эпох, могут акцентологически варьировать от деревни к деревне [Hualde 1999: 947]).

В настоящей статье мы рассматриваем идиолект, представленный в единственном акцентуированном памятнике сулетинского диалекта середины XIX в. (по данным [Gaminde, Hualde 1995: 178]) — Евангелия от Матфея в переводе Эмманюэля Инчауспе [Inchauspé 1856]. Издание, доступное не только в печатной, но и в электронной версии, представляет собой перевод первого из четырех Евангелий, сопровождаемый грамматическим комментарием по-французски. Объем текста составляет около 17 000 словоупотреблений, представленных приблизительно 4 500 различными словоформами. Акцентуация памятника в значительной степени последовательна: вариативность в одной и той же словоформе встречается крайне редко, ср. *pagánou-en* vs. *paganou-én* (язычник-GEN.PL) ‘язычников’ (VI:7/X:5)⁴. По нашей предварительной оценке, основанной на анализе нескольких случайно выбранных отрывков текста, более 95 % случаев постановки ударений в словоформах памятника может быть предсказано исходя из акцентных характеристик морфем и правил их взаимодействия.

Предметом нашего исследования является акцентуация в именных группах с показателем неопределенности *bat*. Полученные результаты основаны на сплошной выборке из рассматриваемого памятника. Всего в нем встретилось 172 контекста с *bat*, представленных 139 именными группами. В 20 случаях именные группы имели более одного вхождения. Вариативность акцентуации в исследуемых контекстах практически отсутствовала: из всех контекстов лишь в двух наблюдалось отступление от описанных ниже правил акцентуации. Большинство именных групп (86) стояли в абсолютиве, остальные — в эргативе, генитиве,

¹ Баскский — язык-изолят, на котором говорят на северо-востоке Испании и юго-западе Франции. Исследуемый диалект распространен на территории современного французского департамента Атлантические Пиренеи (исторически департамента Нижние Пиренеи).

² По данным анкетирования, проведенного в 2011 г., среди жителей старше 16 лет в совокупности в Испанской и Французской Стране басков проживает 714 000 баскско-романских билингвов и 388 000 пассивных билингвов, для которых баскский язык не является основным [FSS 2013: 16].

³ Система старобаскских диалектов в значительной степени отличается от современных, что стало основанием для переработки диалектной карты второй половины XIX в. Л. Л. Бонапарта [Bonaparte 1863] в работах К. Суасо [Zuazo 2003; 2008].

⁴ Здесь и далее после форм приводятся соответствующая глава и стих анализируемого Евангелия от Матфея.

дативе, инструменталисе, инессиве, аллативе, аллативе постоянного действия⁵, терминативе, аблативе, комитативе и мотивативе.

Следует отметить, что некоторые черты сулетинского диалекта конца XIX в. упомянуты в [Gèze 1873]; часть акцентологических особенностей, иногда отличающихся от особенностей исследуемого нами памятника, можно восстановить из парадигм, приведенных в монографии (это, однако, до сих пор не было осуществлено). Нашей задачей является описание и исследование нетривиального просодического явления, не отмеченного в других диалектах баскского языка, для которого нам удалось обнаружить лишь неполные типологические параллели — наложения составляющих просодической иерархии (явления, при котором один слог принадлежит одновременно двум просодическим словам).

Формы из анализируемого памятника приводятся в статье в старой орфографии, отличной от орфографии современного баскского литературного языка — *euskara batua*. Орфография текста достаточно близка к фонетическому принципу (некоторые исключения из него связаны с влиянием французской графики). В ряде случаев при существенном расхождении с этим принципом приводится восстанавливаемая нами фонологическая транскрипция. Отметим, что графема *u* после *g* не отражается в произношении, а диграф *ou* произносится как /u/ (графема *u* соответствует огубленному гласному переднего ряда верхнего подъема /y/). При постановке графического ударения на диграфе *ou* оно может стоять над каждой из букв, входящих в его состав (ср. *ikhóusi* vs. *ikhoúsi* ‘видеть’ (II:2 / III.16)), однако чаще стоит на последней из двух. Судя по данным памятника, такая графическая вариативность фонологически не обусловлена.

Статья имеет следующую структуру. Во второй части исследуются традиционные критерии, которым удовлетворяет просодическое (фонологическое) слово, а также то, каким образом можно определить просодическое слово в старосулетинском. В третьей части приводится краткая акцентологическая характеристика старосулетинского диалекта. В четвертой части анализируется фрагмент системы, не удовлетворяющий традиционным критериям вычленения просодического слова. В заключении подводятся итоги исследования.

2. Проблемы при определении просодического слова

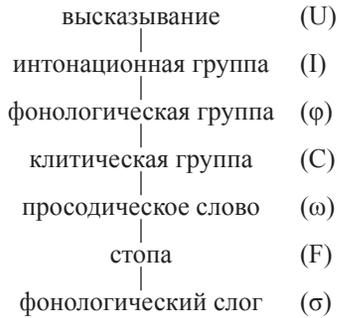
Р. Диксон и А. Ю. Айхенвальд определяют фонологическое слово как фонологическую единицу большую, чем слог, или равную слогу, которая обладает по крайней мере одним фонологическим свойством из следующих: сегментные свойства, просодические свойства, включающие ударение, и фонологические правила, которые действуют лишь в рамках слова⁶ [Dixon, Aikhenvald 2002]. Аналогичным образом просодическое слово определено у Ш. Пеперкампа⁷ [Peperkamp 1999]. Несмотря на то, что в русскоязычной традиции более распространено терминологическое словосочетание «фонологическое слово», в нашем исследовании мы будем пользоваться выражением «просодическое слово», отсылающим к известной фонологической традиции, см. [Selkirk 1984; Nespor, Vogel 1986] и многие более поздние работы.

⁵ В рассматриваемом диалекте имеется два падежа с аллативным значением, один из которых, по описанию [Inchauspé 1856: xix], употребляется при обозначении перемещения в место, в котором субъект действия не имеет намерения остаться, а второй — в котором субъект действия, напротив, намеревается остаться.

⁶ «(a) *Segmental features* — internal syllabic and segmental structure; phonetic realisations in terms of this; word boundary phenomena; pause phenomena. (b) *Prosodic features* — stress (or accent) and/or tone assignment; prosodic features such as nasalization, retroflexion, vowel harmony. (c) *Phonological rules* — some rules apply only within a phonological word; others (external sandhi rules) apply specifically across a phonological word boundary» [Dixon, Aikhenvald 2002: 13].

⁷ «Prosodic words are typically characterized as being the domain of word stress, phonotactics and segmental word-level rules» [Peperkamp 1999].

Просодическое слово является одной из составляющих так называемой просодической иерархии [Selkirk 1984: 26; Nespor, Vogel 1986]:

Просодическая иерархия связана с четырьмя основными свойствами просодической доминации, которые мы приводим в варианте [Selkirk 1995: 443], где C_n — некоторая категория на уровне n просодической иерархии:

- 1) уровневость (layeredness): «No C_i dominates a C_j , $j > i$ », т. е. категория более низкого на просодической иерархии уровня не может доминировать над категорией более высокого уровня;
- 2) доминирование (headedness): «Any C_i must dominate a C_{i-1} (except if $C_i = \sigma$)», т. е. каждая категория, кроме слога, должна доминировать над хотя бы одной категорией уровнем ниже;
- 3) отсутствие рекурсии (non-recursivity): «No C_i dominates C_j , $j = i$ », т. е. категория не может доминировать над категорией одного с ней уровня;
- 4) полнота (exhaustivity): «No C_i immediately dominates a constituent C_j , $j < i-1$ », т. е. категория может доминировать лишь над такой категорией, которая расположена строго одним уровнем ниже⁸.

Хотя эти свойства и постулируются как универсальные, а не лингвоспецифичные, ряд исследователей предполагает, что некоторые из них могут быть нарушены. Большинство нарушений просодической доминации, отмеченных в языках мира, связаны с рекурсивностью. Так, рекурсивная модель, в которой просодическое слово может быть частью другого просодического слова, использовалась при анализе турецкого [Kabak, Vogel 2001] или итальянского [Peperkamp 1997] языков; рекурсивные просодические составляющие также постулировались в немецком [Féry 2010], японском [Ito, Mester 2012], баскском [Elordieta 2015] и др. языках. Реже отмечается нарушение требования полноты [Peperkamp 1999], см. также примеры нарушения данного требования в сербском языке [Zec 2002: 215].

Старосулетинский баскский исследуемого памятника удовлетворяет свойствам уровневости, доминирования и отсутствия рекурсии, то есть в этом диалекте составляющая определенного уровня не может содержать составляющую того же уровня. Если считать, что уровень стопы не универсален и в старосулетинском диалекте не имеет смысла его выделять, то принцип полноты в нем также не нарушается (в противном случае, если считать, что в старосулетинском есть основания для выделения уровня стопы, то, поскольку они не даны нам в непосредственном наблюдении, мы не можем сказать, удовлетворяется ли и на этом уровне принцип полноты или нет)⁹.

⁸ Последние два свойства соответствуют гипотезе строгой уровневости (Strict Layer Hypothesis), более подробно рассмотренной нами в разделе 4. Случаи ее нарушения отмечались самой Э. Селкирк и были учтены в более поздних версиях ее концепции, см. [Selkirk 2011].

⁹ Здесь мы опираемся на понятие стопы как двухморной или двусложной единицы, ср. [Hyde 2012: 384]. Мы не можем определить, насколько введение понятия стопы необходимо при описании старосулетинского диалекта, поскольку у нас нет никаких фонетических данных, проливающих свет на то,

При описании акцентологических особенностей языка существенны основания для выделения просодического слова. В одном и том же языке эти основания могут быть разными (так, для каждого из 63 разноструктурных языков в выборке [Bickel et al. 2009] обнаружилось от 1 до 19 моделей просодического слова (pw-patterns), выделенных на основании разных критериев, и большинству языков выборки соответствуют более чем две модели). В некоторых языках, таких, например, как вьетнамский, с фонологической точки зрения критерии выделения просодического слова отсутствуют [Schiering et al. 2006: 14]. Существенной проблемой, связанной с просодической иерархией, могут стать так называемые «перекрывающиеся зоны» (overlapping domains): в конкретном языке слово, определенное на основании одних фонологических признаков, может не совпадать со словом, выделенным на основании других фонологических признаков, как, например, это происходит в лимбу (тибето-бирманский язык) [Ibid.]. Впрочем, строго говоря, этот случай не является контрпримером к просодической иерархии, поскольку всякий раз мы можем определять единицы определенного уровня просодической иерархии лишь на одном из возможных оснований (например, на основании ударения, гармонии гласных или любого другого признака, характерного для данного языка).

В старосуллетинском диалекте исследуемого памятника для нас будет релевантно лишь просодическое слово, объединяемое общим ударением. Его выделению способствуют графические пробелы, хотя границы просодического слова не всегда с ними совпадают: так, например, композиты, которые пишутся в тексте через дефис, несут на себе два ударения и, соответственно, образуют два просодических слова. Другие критерии либо не позволяют выделить просодическое слово (например, гармония гласных, которая в старосуллетинском отсутствует, хотя ассимиляция гласных и была, по всей видимости, в некоторой степени характерна для протобаскского [Lakarra 2006: 292]¹⁰), либо недоступны для применения, так как речь идет о письменном памятнике полуторавековой давности (например, фонетические изменения на стыках потенциальных просодических слов).

3. Акцентологическая характеристика старосуллетинского

Акустические особенности старосуллетинского диалекта поддаются восстановлению с некоторым трудом. По свидетельству Л. Жеза [Gèze 1873: 3], фонетически ударные и безударные слоги в старосуллетинском отличались длительностью; Ж. Ларраскет, описывая один из говоров сулетинского, отмечал, что ударение там характеризовалось интенсивностью, «четкостью» (acuité) и длительностью [Larrasquet 1932: 180—181]. Для нас, однако, не будет иметь значения, как именно фонетически реализовалось ударение в исследуемом диалекте, — важен будет лишь его фонологический статус, позволяющий противопоставить ударные слоги безударным.

Как в современном сулетинском, так и в старосуллетинском диалекте с акцентологической точки зрения выделяются два класса морфем: используя терминологию П. Гарда [Garde 1978], их можно назвать акцентологически сильными и слабыми, а используя терминологию Х. И. Уальде, — маркированными и немаркированными [Hualde 1999].

Опустив некоторые детали из описания Уальде, можно представить акцентные характеристики сулетинского диалекта следующим образом: при отсутствии акцентологически сильной морфемы словесное ударение падает на предпоследний слог словоформы, ср. *mithil-a* (слуга-DEF.SG) ‘слуга’, *mithil-á-en* (слуга-DEF.SG-GEN) ‘слуги’, при наличии — на акцентологически сильную морфему, ср. *mithil-é-z*¹¹ (слуга-DEF.PL-INS) ‘о слуге’ [Hualde

имелась ли разница в произношении безударных слогов и имелось ли различие между сильными и слабыми слогами, как, например, в английском.

¹⁰ Ср. также ассимиляцию гласных по подъему в бискайском баскском [Hualde, Ortiz de Urbina 2003: 46].

¹¹ Сильные морфемы в тексте статьи выделены жирным шрифтом. Ударение обозначается акутом.

1999: 979, 984], причем случаи конфликта маркировок, когда в слове присутствуют две акцентологически сильных морфемы, Уальде не рассматривает. С диахронической точки зрения, с одной стороны, источником сильных морфем являются отдельные заимствования (в сулетинском сохраняется ударение языка-источника), ср., например, лексему из исследуемого нами текста *templo* 'храм', в словоформах которой ударение стоит на корне вне зависимости от позиции ударного слога по отношению к концу слова: *témplo-co* (храм-GENL.SG) 'храмовый' (XXIII:16), *témplo-tic* (храм-AVL.SG) 'из храма' (XXIV:1), *témplo-u-a-la* (храм-SG-ALL) 'к храму' (XXI:23), *témplo-u-a-ren* (храм-SG-GEN) 'храма' (XXIII:35), *témplo-u-a-z* (храм-SG-INS) 'храмом' (XXIII:21). С другой стороны, фонологически ударные слоги сильных морфем могли возникать в результате стяжения гласных, ср. многие показатели множественного числа, например *-ek < *-ag- + -ek* (ERG.PL) [Lafon 1935/1999: 697, Hualde 1999: 981]. В некоторых случаях появление акцентологически сильных морфем не связано ни с сохранением ударения заимствования, ни со стяжением.

В исследуемом нами памятнике немаркированной просодической моделью является ударение на предпоследнем слоге, как и в современном сулетинском диалекте в описании Уальде. В ходе анализа сплошной выборки из Евангелия Инчауспе обнаружилось, что при наличии в словоформе единственной акцентологически сильной морфемы ударение падает на нее; в случае появления в слове двух акцентологически сильных морфем ударение может падать как на первую, так и на последнюю из них. В просодическом слове, состоящем из одного слога, ударение естественным образом падает на этот слог вне зависимости от акцентной характеристики слогаобразующей морфемы.

Помимо двух вышеупомянутых, на материале текста нами был выделен еще один акцентологический класс морфем — так называемые преакцентные¹² морфемы. Не неся собственного ударения, такая морфема фиксирует ударение на предшествующем слоге, если за ней идет один слог, входящий в состав слабой морфемы, — в этом случае ударение в словоформах, содержащих преакцентную морфему, падает не на предпоследний, а на третий от конца слог (*bazitérr-a-ren* (угол-SG-GEN) 'угла' (XIV:36), *guizoún-a-ri* (человек-SG-DAT) 'человеку' (XIX:3)). Однако если за такой морфемой следует более чем односложная слабая морфема, ударение в словоформе падает на предпоследний слог, ср. *izen-a-gátic* (имя-SG-MOT) 'ради имени' (XXIV:9).

Среди корневых морфем в старосуетинском сильные распространены меньше, чем слабые; среди аффиксальных морфем часто встречаются как сильные, так и слабые.

4. Нарушения в просодической структуре старосуетинского

Одной из особенностей исследуемого диалекта, детальный анализ которой и представляет задачу нашей работы, является нарушение принципа строгой уровневости (Strict Layer Hypothesis) Э. Селкирк, предполагающего, что «категория уровня *i* в [просодической] иерархии непосредственно доминирует над категорией или рядом категорий уровня *i-1*» [Selkirk 1984: 26]. Хотя из определения гипотезы этого и не следует, традиционное понимание просодической иерархии Э. Селкирк и ее последователей предполагает, что данная иерархия может быть представлена в виде древовидной структуры, в которой единица более низкого уровня является составляющей одной и только одной единицы более высокого уровня (очевидно, что легко сконструировать структуру, удовлетворяющую гипотезе строгой уровневости, но не являющуюся древовидной)¹³. Тот факт, что составляющая просодической ие-

¹² Случаи конфликта акцентологически сильных морфем, а также основания для выделения преакцентных морфем заслуживают отдельного подробного описания, которое выходит за рамки данной статьи. В релевантном материале преакцентные морфемы не встречаются, сведения об их существовании приводятся для полноты описания.

¹³ Под древовидной структурой мы подразумеваем традиционное для лингвистики представление в виде ориентированного дерева — графа с вершиной, в которую не ведут дуги, при том что в каждую

пархии не может одновременно принадлежать двум составляющим более высокого уровня, неоднократно отмечался в работах, посвященных просодике, ср., например, [Noske 2009: 234]. Й. Ито и А. Местер называют данное свойство просодических деревьев «правильной расстановкой скобок» (proper bracketing) [Ito, Mester 2003: 33]¹⁴ либо «укорененностью» (rootedness) [Ito and Mester 2009: 138]¹⁵. Назовем его неперекрываемостью и отметим, что, строго говоря, неперекрываемость не входит в четыре основных свойства просодической доминации, описанных в разделе 2.

Неперекрываемость при сегментации единиц более высокого уровня на единицы более низкого уровня часто подразумевается не только в просодии: так, принято считать, что слово должно исчерпывающим и непересекающимся образом члениться на морфемы, ср., однако, проблематичность постулата неперекрываемости у Ш. Пеперкампа [Peperkamp 1999]. Также принято считать, что морфемы должны состоять из фонем и только из них, ср. один из возможных анализов слова *детский* /d'etsk'ij/, в котором исходя из данного принципа аффрикату относят к одной морфеме, корневой или суффиксальной, а не к двум одновременно, не постулируя тот факт, что взрывная часть аффрикаты принадлежит к корню, содержащему в других алломорфах взрывной элемент, а фрикативный — к суффиксу, поскольку в других его алломорфах содержится фрикативный элемент [Касевич 1986: 15—16].

Далее мы проанализируем некоторые данные баскского языка, свидетельствующие о нарушении рассмотренного выше принципа. В старосулетинском диалекте близкое по функции к неопределенному артиклю и в значительной степени грамматикализовавшееся числительное *bat* 'один' в абсолютных именных группах представляет собой постпозитивную клитику и образует одно просодическое слово со своим синтаксическим хозяином. Отметим, что нерегулярным способом образующееся множественное число *batzu* 'несколько' не ведет себя как клитика и не изменяет положение ударения своего синтаксического хозяина. В конструкциях со значением 'один из X', в которых используется аблатив, *bat* также не ведет себя как клитика, получая ударение и в косвенных падежах, и в абсолютиве, ср.:

(1) *hoy-éta-ric* *bát-i*
 TOT.PL-PL-ABL один-DAT
 'один из тех' (X:42)

(2) *mémbri-eta-ric* *bát*
 член-PL-ABL один[ABS]
 'один из членов' (V:29)

Рассмотрим две именные группы:

(3) *guízoun hórr-ec* /'gisun'horrek/¹⁶
 человек TOT-ERG
 'тот человек' (IX:3)

(4) *guízoún bat* /gi'sunbat/
 человек один[ABS]
 'один человек' (IX:9)

из остальных вершин ведет ровно по одной дуге. При невыполнении последнего условия речь идет об ориентированном графе, то есть графе, ребрам которого присвоено направление, соответствующее направлению от единицы более высокого уровня просодической иерархии к единице более низкого уровня. Множество деревьев называется лесом.

¹⁴ В этом исследовании понятие «правильной расстановки скобок» восходит к [Nespor, Vogel 1986: 7].

¹⁵ «Укорененность» определяется следующим образом: над каждым узлом (кроме корневого) доминирует ровно один узел.

¹⁶ В транскрипции мы приводим лишь одну из возможных фонологических трактовок: существенно то, что, несмотря на графическое обозначение, транскрибируемая цепочка не содержит дифтонгов.

Морфема *guizoun* является акцентологически слабой, таким образом, в позиции, в которой за ней идет полноценное просодическое слово *hórr-ec*, она получает ударение на предпоследний слог, как в (3). Морфема *bat* также является акцентологически слабой, следовательно, просодическое слово *guizoún bat*, состоящее из двух слабых морфем, также получает ударение на предпоследний слог (если бы морфема *bat* являлась акцентологически сильной, она была бы ударной, учитывая тот факт, что первая морфема акцентологически слабая). Приведем еще несколько примеров просодических слов, включающих в себя клитику *bat* со слабыми (5) и сильными (6) корневыми морфемами:

(5)	a. <i>aingurú bat</i>
ангел один[ABS]
‘ангел’ (I:20)	b. <i>semé bat</i>
сын один[ABS]
‘сын’ (I:21)	c. <i>arguí /argi/ bat</i>
свет один[ABS]
‘свет’ (V:15)
(6)	a. <i>tresór bat</i>
сокровище один[ABS]
‘сокровище’ (XV:44)	b. <i>pagáno bat</i>
язычник один[ABS]
‘язычник’ (XVIII:17)	c. <i>publicáno bat</i>
мытарь один[ABS]
‘мытарь’ (XVIII:17)

Как видно из примера (6), в просодических словах с клитикой *bat*, содержащих сильные корневые морфемы, ударение может падать как на предпоследний слог (6а), так и на любой другой кроме последнего, например на третий от конца (6б), (6с), что, очевидно, определяется местом ударения в соответствующей сильной морфеме. Таким образом, если в просодическом слове с клитикой *bat* ударение падает не на предпоследний слог, можно сделать вывод, что слово содержит сильную корневую морфему. Если же в слове с данной клитикой ударение падает на предпоследний слог, слово может содержать как слабую морфему (5), так и сильную морфему с ударением на последний слог (6а); для определения акцентологической силы морфемы в этом случае привлекаются соответствующие морфы в других фонологических контекстах, ср. для примеров (5), (6а): *hamabí aingúru* (двенадцать ангел) ‘двенадцать ангелов’ (XXVI:53); *bí séme* (два сын) ‘два сына’ (XX:21); *árgui handí bat* (свет большой один) ‘большой свет’ (IV:16), но *tresór-ia-lat* (сокровище-DEF-ALLCONS) ‘к сокровищу’ (XXVII:6).

Однако числительное *bat* может склоняться, при этом в падежах, отличных от абсолютива, оно ведет себя как просодическое слово, получая ударение по правилам, описанным в разделе 3. Так, если соответствующая падежная форма состоит из акцентологически слабых морфем, она получает ударение на предпоследний слог (ср. *bát-en* (один-GEN) ‘одного’ (IX:7)), а если содержит сильную, то ударение падает на нее (ср. *bat-eta-rát*¹⁷ (один-INDF-ALLCONS) ‘к одному’ (XIV:13), в котором аллативная морфема является сильной).

В баскском языке падежные и числовые суффиксы и суффиксы определенности постпозитивны и ведут себя как фразовые аффиксы, появляясь в именной группе лишь один раз. С просодической точки зрения в составе именных групп в косвенных падежах морфема *bat* ведет себя и как клитика, и как полноударная единица, входя одновременно в состав двух просодических слов, ср.:

- (7) [*guizoún* [*bát*],-en]_i
человек один-GEN
‘одного человека’ (XXIII:15)

Первое из двух ударений свидетельствует о том, что *guizoun bat* является просодическим словом, получающим дефолтное ударение на предпоследний слог по вышеописанным

¹⁷ В этой словоформе нет четкой морфемной границы между первыми двумя морфемами: /e/ — энпентетический гласный, появление которого связано с запретом на некоторые группы согласных в баскском языке. Доказательством того, что суффикс неопределенного склонения *-eta-*, в отличие от суффикса множественного числа *-eta-*, является акцентологически слабым, могут служить формы типа *bat-etá-ric* (один-INDF-ABL) ‘от одного’ (II:12) с акцентологически слабым падежным суффиксом, в котором дефолтное ударение падает на предпоследний слог.

правилам. Второе ударение, на тех же основаниях, свидетельствует о том, что просодическим словом является и *baten*. Приведем ряд других примеров:

- (8) [_i*emazté* [_j*bát*]_i-*i*]_j
 женщина один-DAT
 ‘одной женщине’ (V:28)
- (9) [_i*bortú* [_j*bat*]_i-*eta-rát*]_j
 пустыня один-INDF-ALLCONS
 ‘в пустыню’ (IV:1)
- (10) [_i*odol-gál-tze* [_j*bat*]_i-*éki*]_j
 кровь-терять-NML один-COM
 ‘с кровотечением’¹⁸ (XI:20)

Теоретически в вышеприведенных примерах (равно как и в любом другом случае с перекрывающимися сегментами) возможно принудительное членение на два просодических слова после *bat*: [_i*bortú bat*]_i-[_j*eta-rát*]_j. Однако такое членение будет противоречить языковой системе старосудетинского: в норме в нем показатель падежа и числа не является просодическим словом. В примере (10) возможна трактовка, при которой первым просодическим словом является не *odol-gál-tze bat*, а *odol-gál-tze* (ударение на сильной морфеме закономерно предсказывается при обеих трактовках). Вторая трактовка, разумеется, позволяет избежать неперекрываемости просодических слов, однако из нее следует, что акцентологическое поведение *bat* (отличное от его закономерного поведения, когда оно входит в состав первого просодического слова) диктуется сильной морфемой из левой периферии, которая даже не находится с *bat* в непосредственном контакте. Таким образом, вторая трактовка, хотя и помогает избежать наложения составляющих, является системно противоречивой.

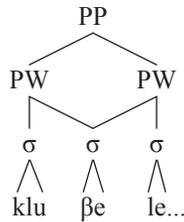
В примерах (7) и (8) в первом просодическом слове фонологическим мы будем считать лишь первое ударение, поскольку именно оно выполняет как кульминативную, так и делимитативную функцию (второе ударение первого просодического слова, таким образом, является второстепенным).

Приведем здесь альтернативный анализ Х. И. Уальде, рассматривающего аналогичные примеры из перевода Э. Инчауспе в терминах «акцентных единиц», которые в некотором роде соответствуют нашему пониманию просодического слова, следующим образом: [[*ti.le.ta.bat*].*e.ta.ra.no*] *tiletá batetaráno* (черта один.INDF.TERM) ‘до одной черты’ (V:18) [Hualde 1997: 82] (глосса наша. — Н. 3.). Как видно из расстановки скобок, в приведенном примере Уальде выделяет две просодические единицы, одна из которых полностью включает вторую. Данное решение, во-первых, нарушает принцип отсутствия рекурсии, что, впрочем, как мы уже упоминали, является достаточно распространенным нарушением, а во-вторых, что гораздо более существенно, не позволяет объяснить постановку второго ударения в примерах типа (8): если просодическими словами (акцентными единицами), по аналогии с вышеприведенным анализом Уальде, являются [*odol-gal-tze bat*] и [*odol-gal-tze bat-eki*] (то есть, если речь идет о рекурсивной структуре), то во втором из них ударение должно падать на единственную сильную морфему, то есть * [*odol-gál-tze bat-eki*], тогда как в памятнике оно падает и на сильную морфему, и на предпоследний слог, см. (10). Таким образом, как трактовка Уальде, так и наша трактовка описывает исследуемый материал в терминах нарушения просодической иерархии в ее традиционном понимании, однако в нашем описании получает объяснение акцентуация тех форм, ударение которых не предсказывается описанием Уальде.

¹⁸ Отметим, что, строго говоря, границу между просодическими единицами, т. е. слоговую границу в рассматриваемых примерах можно провести и перед согласным /t/, например, [_i*emazté* [_j*bá*]_i-*t-i*]_j, однако такой анализ не решает рассматриваемую нами проблему, поскольку и в этом случае один и тот же слог /ba/ принадлежит разным фонологическим словам.

Итак, описанная ситуация представляет контрпример просодической иерархии и представляется в высшей степени нетривиальной. Рассмотрим теперь некоторые типологические параллели анализируемого явления (одна из них, а именно проблема сегментации морфем на фонемы, уже была приведена выше).

Близкий по типу контрпример просодической иерархии содержится в статье А. Кардиналетти и Л. Репетти: в их трактовке слог не обязательно содержится в одном просодическом слове [Cardinaletti, Repetti 2009: 89], ср. разные возможности членения на слова словосочетания исп. *club elegante* ‘фешенебельный клуб’ [klu.βe.le.ɣan.te]: [klu.β#e.le.ɣan.te]; [klu.#βe.le.ɣan.te]; [klu.βe.#le.ɣan.te] (точки представляют границу между слогами, знак диеза — границу между просодическими словами). Однако в первом из представленных анализов слог [βe] хотя и не принадлежит одному просодическому слову, каждая из фонем, входящих в его состав, принадлежит лишь одному слову. Ш. Пеперкамп [Peperkamp 1997], которую цитируют авторы, приводит в качестве одного из возможных следующий анализ данной цепочки:

К примерам нарушения принципа неперекрываемости, связанного с сегментной фонологией, но не с просодикой, также относится принадлежность одного или нескольких согласных двум слогам одновременно, когда эти согласные являются конечным элементом одного слога и начальным — другого (так называемая *ambisyllabicity*, ср. [ci[t]y] и [si[st]er]), см. [Trask 1996: 177])¹⁹. В морфологии в качестве нарушения принципа неперекрываемости можно рассматривать гапологию (об этом явлении и других примерах нарушения см. [Hyde 2012: 410]).

Итак, старосулетинский диалект представляет интересный материал с точки зрения фонологической типологии, который, впрочем, хорошо поддается анализу в рамках теории «слабой расстановки скобок» (Weak Bracketing), предложенной Б. Хайдом. Данная теория допускает так называемые «пересекающиеся формы» (*intersecting configurations* в [Hyde 2001: 52])²⁰, т. е. нарушение принципа неперекрываемости. Однако причины, вызывающие необходимость постулировать пересекающиеся формы и «пересекающиеся стопы» (*overlapping feet*), содержащие слоги, принадлежащие двум стопам (*ambipodal syllables*) [Hyde 2012: 385] у Хайда связаны с необходимостью фонологической трактовки слов с нечетным количеством слогов, которые естественным и исчерпывающим образом «не укладываются» в двухсложные стопы. В старосулетинском же как первое, так и второе фонологическое слово может состоять как из четного, так и из нечетного количества слогов, ср. (8)—(10); следовательно, не имеется никакого основания утверждать, что рассматриваемый слог принадлежит к двум разным стопам. Таким образом, рассмотренный нами случай хотя типологически и несколько близок контрпримерам просодической иерархии, подтолкнувшим Хайда к ее модификации, тем не менее он представляет гораздо более уникальное

¹⁹ Так, Ито и Местер [Ito, Mester 2003: 34] не признают такие случаи нарушением просодической иерархии, мотивируя это тем, что они являются результатом не просодического, а мелодического наложения составляющих (действительно, строго говоря, согласные не входят в просодическую иерархию).

²⁰ Теория Weak Bracketing Б. Хайда противопоставляется теории Weak Layering [Ito, Mester 2003], в которой снимаются некоторые ограничения, накладываемые гипотезой Strict Layering. Поскольку изложенные авторами ограничения не способны предсказать существования структур с перекрывающимися просодическими составляющими в баскском, мы не обращаемся к данной теории Ито и Местера в рамках нашего исследования.

явление, чем случаи «перекрывающихся стоп», рассмотренные Хайдом, которые характерны для многих языков.

5. Выводы

Итак, просодическая структура старосулутинского языка представляет собой не множество деревьев (лес), а множество ориентированных графов, у некоторых узлов которых может быть более чем одна родительская вершина. Графические представления такого типа для некоторых уровней уже существовали, ср. уже упоминавшуюся нами работу [Hyde 2012], а также [Coleman 1998: 204—206]; особенность же старосулутинского заключается в том, что полноценная единица просодической структуры — слог — принадлежит разным просодическим словам.

В математическом смысле членение текста на просодические слова в старосулутинском диалекте баскского языка представляет собой не разбиение на непересекающиеся множества, а покрытие, в котором один и тот же отрезок может принадлежать разным словам. Естественно, при членении текста на просодические слова можно принять решение, в рамках которого спорная составляющая определяется как входящая в одну и только одну составляющую более высокого уровня²¹, но такое решение с неизбежностью будет решением ad hoc, не отражающим просодической структуры диалекта и противоречащим принципу фальсифицируемости, поскольку имеются явные основания для включения рассматриваемого отрезка как в первое, так и во второе просодическое слово.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ABL	— аблатив	GENL	— генитив места
ABS	— абсолютив	INDF	— неопределенность
ALL	— аллатив	INS	— инструменталис
ALLCONS	— аллатив постоянного действия	MOT	— мотиватив
COM	— комитатив	NML	— номинализация
DAT	— датив	PL	— множественное число
DEF	— определенность	SG	— единственное число
ERG	— эргатив	TERM	— терминатив
GEN	— генитив		

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Касевич 1986 — Касевич В. Б. *Морфонология*. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1986. [Kasevich V. B. *Morfonologiya* [Morphonology]. Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 1986.]
- Bickel et al. 2009 — Bickel B., Hildebrandt K., Schiering R. The distribution of phonological word domains: A probabilistic typology. *Phonological domains: Universals and deviations*. Grijzenhout J., Kabak B. (eds.). Berlin: Mouton De Gruyter, 2009. Pp. 47—75.
- Bonaparte 1863 — Bonaparte L. L. *Carte des sept provinces basques*. London: Stanford's Geographical Establishment, 1863.
- Cardinaletti, Repetti 2009 — Cardinaletti A., Repetti L. Phrase-level and word-level syllables: Resyllabification and prosodization of clitics. *Phonological domains: Universals and deviations*. Grijzenhout J., Kabak B. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. Pp. 79—104.
- Coleman 1998 — Coleman J. *Phonological representations: Their names, forms and powers*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998.
- Dixon, Aikhenvald 2002 — Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. Word: A typological framework. *Word: A cross-linguistic typology*. Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. Pp. 1—41.

²¹ Ср. ресиллабификацию, происходящую на просодическом уровне в работе Ш. Пеперкамп: (bar)_{FW} (aperto)_{FW} > (ba.)_{FW} (ra.per.to)_{FW} итал. 'открытый бар' [Peperkamp 1999].

- Elordieta 2015 — Elordieta G. Recursive phonological phrasing in Basque. *Phonology*. 2015. Vol. 32. No. 1. Pp. 49—78.
- Féry 2010 — Féry C. Recursion in prosodic structure. *Phonological Studies*. 2010. Vol. 13. Pp. 51—60.
- FSS 2013 — Euskadi. Departamento de Educación, Política Lingüística y Cultura, Euskararen Erakunde Publikoa. *Fifth sociolinguistic survey, 2011*. Vitoria-Gasteiz: Eusko Jaurlaritzaren Argitalpen Zerbitzu Nagusia, 2013.
- Gaminde 1995 — Gaminde I. Zubereraren azentuaz. *Uztaro*. 1995. Vol. 13. Pp. 107—128.
- Gaminde, Hualde 1995 — Gaminde I., Hualde J. I. Euskal azentu-ereduen atlaserako: zenbait isoglosa. *Anuario del Seminario de Filología Vasca "Julio de Urquijo"*. 1995. Vol. XXIX. No. 1. Pp. 175—197.
- Garde 1978 — Garde P. Modèle de description de l'accent russe. *Bulletin de la Société linguistique de Paris*. 1978. Vol. 73. No. 1. Pp. 367—400.
- Gèze 1873 — Gèze L. *Éléments de grammaire basque, dialecte souletin; suivis d'un vocabulaire basque-français et français-basque*. Bayonne: Lamaignère, 1873.
- Inchauspé 1856 — Inchauspé E. *Jesus-Kristen Ebanjelio Saintia. Zuberouco uscaralat utzuliric*. Bayonne: Lamaignère, 1856. Available at: <http://bvpb.mcu.es/eu/consulta/registro.cmd?id=422808>.
- Ito, Mester 2003 — Ito J., Mester A. Weak Layering and Word Binariness. *A new century of phonology and phonological theory. A festschrift for Professor Shosuke Haraguchi on the occasion of his sixtieth birthday*. Honma T., Okazaki M., Tabata T., Tanaka S. (eds.). Tokyo: Kaitakusha, 2003. Pp. 26—65.
- Ito, Mester 2009 — Ito J., Mester A. The extended prosodic word. *Phonological domains: Universals and deviations*. Alexiadou A., Hall T. A. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. Pp. 135—194.
- Ito, Mester 2012 — Ito J., Mester A. Recursive prosodic phrasing in Japanese. *Prosody matters: Essays in honor of Elisabeth Selkirk*. Borowsky T., Kawahara S., Shinya T., Sugahara M. (eds.). London: Equinox Publishers, 2012. Pp. 280—303.
- Hyde 2001 — Hyde B. *Metrical and prosodic structure in optimality theory*. PhD diss. New Brunswick (NJ): Rutgers Univ., 2001.
- Hyde 2012 — Hyde B. The odd-parity input problem in metrical stress theory. *Phonology*. 2012. Vol. 29. No. 3. Pp. 383—431.
- Hualde 1997 — Hualde J. I. *Euskararen azentuerak*. Donostia; Bilbo: Gipuzkoako Foro Aldundia; Euskal Herriko Unibertsitatea, 1997.
- Hualde 1999 — Hualde J. I. Basque accentuation. *Word prosodic systems in the languages of Europe*. Van der Hulst H. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1999. Pp. 947—993.
- Hualde, Ortiz de Urbina 2003 — *A grammar of Basque*. Hualde J. I., Ortiz de Urbina J. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.
- Kabak, Vogel 2001 — Kabak B., Vogel I. The phonological word and stress assignment in Turkish. *Phonology*. 2001. Vol. 18. No. 3. Pp. 315—360.
- Lafon 1935/1999 — Lafon R. Observations sur la place de l'accent dans quelques formes basques des parlers souletins. *Vasconiana* (IKER 11). Haritschelhar J., Charritton P. (éds.). Bilbo: Euskaltzaindia, 1999. Pp. 697—703. (1 éd. *Mélanges*. Laumonier P. (éd.). Paris: Droz, 1935.)
- Lakarra 2006 — Lakarra J. A. Protovasco, munda y otros: Reconstrucción interna y tipología holística diacrónica. *Oihenart: Cuadernos de Lengua y Literatura*. 2006. Vol. 21. Pp. 229—322.
- Larrasquet 1932 — J. Larrasquet. Phonétique du basque du Larrajá (quartier du Barcus). *Revista Internacional de los Estudios Vascos (Revue Internationale des Études Basques)*. 1932. Vol. 23. Pp. 153—191.
- Michelena 1972 — Michelena L. A note on Old Labourdin accentuation. *Anuario del Seminario de Filología Vasca «Julio de Urquijo»*. 1972. Vol. 6. Pp. 110—120.
- Nespor, Vogel 1986 — Nespor M., Vogel I. *Prosodic phonology*. Dordrecht: Foris, 1986.
- Noske 2009 — Noske R. Autonomous typological prosodic evolution versus the Germanic superstrate in diachronic French phonology. *Romance languages and linguistic theory: Selected papers from «Going Romance»*, Amsterdam, 2007. Aboh E. O., van der Linden E., Quer J., Sleeman P. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2009. Pp. 223—242.
- Peillen 1998 — Peillen Tx. Urrüstói, Atharrátze, Liginàga edo zubereraren egiazko doiñuez. *Antoine d'Abbadie 1897—1997. Congrès International (Hendaye, 1997)*. Urkizu P. (ed.). Donostia: Eusko Ikaskuntza; Bilbo: Euskaltzaindia, 1998. Pp. 453—472.
- Peperkamp 1997 — Peperkamp Sh. *Prosodic words*. The Hague: Holland Academic Graphics, 1997.
- Peperkamp 1999 — Peperkamp Sh. Prosodic words. *GLoT International*. 1999. Vol. 4. No. 4. Pp. 15—16. Available at: [http://www.lscp.net/persons/peperkamp/Peperkamp_\(1999\)_Prosodic_Words.pdf](http://www.lscp.net/persons/peperkamp/Peperkamp_(1999)_Prosodic_Words.pdf).
- Schiering et al. 2006 — Schiering R., Hildebrandt K. A., Bickel B. *Cross-linguistic challenges for the prosodic hierarchy: Evidence from word domains*. Ms. Leipzig: Universität Leipzig, 2006.

- Selkirk 1984 — Selkirk E. *Phonology and syntax. The relation between sound and structure*. Cambridge (MA): MIT Press, 1984.
- Selkirk 1995 — Selkirk E. The prosodic structure of function words. *Papers in Optimality Theory. University of Massachusetts Occasional Papers 18*. Beckman J., Walsh Dickey L., Urbanczyk S. (eds.). Amherst (MA): Graduate Linguistic Student Association, 1995. Pp. 439—469.
- Selkirk 2011 — Selkirk E. The syntax-phonology interface. *The handbook of phonological theory*, 2nd ed. Goldsmith J. A., Riggle J., Yu A. C. L. (eds.). Oxford: Wiley-Blackwell, 2011.
- Trask 1996 — Trask R. L. *A dictionary of phonetics and phonology*. New York: Routledge, 1996.
- Zec 2002 — Zec D. On the prosodic status of function words. *Working Papers of the Cornell Phonetics Laboratory*. 2002. Vol. 14. Pp. 207—249.
- Zuazo 2003 — Zuazo K. *Euskalkiak: Herriaren lekukoak*. Donostia: Elkar, 2003.
- Zuazo 2008 — Zuazo K. *Euskalkiak: Euskararen dialektok*. Donostia: Elkar, 2008.

Статья поступила в редакцию 02.06.2016.